

лит. газ. — 1996. — 28 февр. — с. 8

В Палане — окружном центре Корьякии — возле киноафиши "Андрей Рублев" приколот ватманский лист с текстом: "После фильма в спортивном зале школы состоится баскетбольный матч. Играют сборная Паланы и Дядя Степа". Дядей Степой прозвали кряжистые, веселые, малорослые коряки Никиту Михалкова, которому зимой 1972/73 года довелось побывать не только во всех поселках Камчатки, но и буквально в каждом охотничьем домике и отдаленном чуме.

Не берусь описывать тот матч. Жалею, что к тому времени не успели подъехать киношники. Никита один играл против пятерых. Возвышаясь над ватагой раздетых по пояс паланцев, он то норовил высоко поднятыми руками овладеть мячом, то бежал, ведя мяч и чувствуя за собой прерывистое дыхание команды, которая тшечно пыталась догнать Дядю Степу. Вокруг — густая толпа хохочущих болельщиков.

ПОСЛЕДНЕЕ время о Никите Михалкове много говорят и пишут. Говорят и пишут о нем разное. И политическое место определяют по-разному: то он правый, то левый, то свой среди чужих, то чужой среди своих. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему пошел шестой десяток.

Я же имел возможность наблюдать Никиту в экстремальных ситуациях на протяжении почти четырех месяцев путешествия по зимней тундре.

Немного, думаю, известно, что Никита служил матросом на Камчатке. И уж тем более о том, как и почему он там оказался. А дело было так. Осенью семьдесят первого на одном из партийных собраний "Мосфильма" горячо обсуждался вопрос о том, что дети элиты уклоняются от службы в армии. В числе других упоминалось и имя Сергея Михалкова. Узнав об этом, Никита, у которого все было готово к началу работы над фильмом "Свой среди чужих, чужой среди своих", направился в районный военкомат. Через неделю Михалков-младший приземлился на Камчатке. "От всех подальше", — решил он.

Первого мая семьдесят второго года в "Литературной газете" была напечатана моя статья "Последний выстрел". Речь шла о горстке красноармейцев, которые на собаках и оленях прошли по Камчатской и Чукотской тундре около четырех тысяч километров, чтобы остановить отряд белогвардейцев, пытавшихся бежать на Аляску с награбленным. На протяжении нескольких лет я собирал материалы о походе, названном исследователями "ледовым путем". Участники экспедиции не теряли времени даром. Они вели дневники, тщательно фиксировали данные об истории каждого поселка, проводили своеобразную перепись населения. Имея на руках бесценные архивные документы, можно было сесть и написать книгу о мужественных людях, которые на краю земли зимой двадцать третьего, по сути, произвели последний выстрел в гражданской войне. Однако логика творчества обязывала самого пройти маршрутом, которым прошел отряд красноармейцев во главе с красным командиром Григорием Чубаровым. Вот я и носился с идеей об организации экспедиции многомесячного похода по Восточному и Западному побережьям Камчатки до Чукотки. В экипаж включили четырех человек. Кроме меня, должен был быть представитель Корьякского национального округа, сотрудник аппарата Камчатского обкома комсомола и воин Петропавловского гарнизона. После публикаций в "Литературной газете" редакцию завалили письмами и телеграммами. Желаящих принять участие в походе оказалось очень много. Обком комсомола по моей просьбе "выделил" заведующего сектором пропаганды Женю Миловского. От коряков в команду зачислили камчатского поэта Володю Засыгина (литературный псевдоним Коянто). А вот насчет кандидатуры воина Петропавловского гарнизона пришлось подумать. Я обратился к командованию. И получил официальный ответ: "...приветствуя инициативу и высоко оценивая политическое значение акции предстоящего похода, в то же время командование не может брать на себя ответственность разрешить принимать участие матросу или солдату в экспедиции, которая без страховки пройдет в экстремальных условиях Крайнего Севера".

Сегодня, когда в сводках информационных агентств ежедневно передают о десятках убитых, кажется необычным поведение командования Петропавловского гарнизона. Командиры боялись отпустить в поход своего подчиненного, беспокоясь за его здоровье.

И вот тогда-то мы и остановились на кандидатуре Никиты, который дал согласие сразу же. Ясное дело, одного его согласия было недостаточно. Пришлось вести долгие переговоры и с командованием, и с Камчатским обкомом партии, и с Сергеем Михалковым, и с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Тяжелниковым. Наконец "добро" было получено.

Маршрут проходил по всем населенным пунктам полуострова и по части территории Чукотки. Строго соблюдая график, неделями мы в пятидесятиградусный мороз шли под открытым небом. Случалось — не встречали на пути ни единого чума. Спали прямо на снегу. В каждом поселке собирали материалы, сравнивая с записями, сделанными красноармейцами пятьдесят лет назад. Никита регулярно, примерно раз в неделю, отправлял с нарочным репортажи для "Камчатского комсомольца", я — для "Камчатской правды". В соавторстве мы вместе писали путевые заметки для "Комсомольской правды". Прямо в пути написали сценарий, по которому и сняли двухчастный фильм "На краю Азии". По окончании похода фильм этот был показан у Юрия Сенкевича в "Клубе кинопутешествий". И сейчас, вспоминая те дни, мне хотелось бы не столько рассказать о Никите, сколько дать некоторые объективные и реалистичные штрихи к его портрету...

ПОГОДА — небо срывалось с землей. Пурга с мокрым снегом. Собаки задыхаются. То потеешь на подъеме, то замерзаешь от встречного ветра на спуске. Временами ни зги не видать. Договорились идти поближе друг к другу.

До Нового года несколько часов. Наверное, каждый из нас думал об одном и том же: о елке. Знали, что от отмеченного на карте дома геологов остался всего час езды на собаках, так что можно еще успеть.

Собаки еле двигались, с трудом поднимая из глубокого снега короткие пятнистые ноги. Мой каюр предложил дать собакам отдохнуть.

Зорий БАЛАЯН

Другая судьба

У Никиты Михалкова свое место в жизни

Совсем рядом мы обнаружили симпатичную пушистую елку. Никита долго рылся в громадном рюкзаке и наконец извлек оттуда красочную коробку. Снял крышку, развернул содержимое. Елочные игрушки! Оказалось, увидел он их в магазине поселка Седанка и решил взять на всякий случай. Нашелся у нас кусок плетеного капронового шнура. Стали вытягивать из него тоненькие нити и привязывать ими игрушки к веткам.

Одинокое дерево вмиг преобразилось. Я смотрел на сияющее счастьем лицо Никиты и хорошо понимал, что у него на душе. Он откровенно радовался тому, что сумел сотворить праздник для друзей. Что удалось чудо, задуманное им заранее.

НИКИТА вылез из кукуля (спального мешка из оленьей шкуры), долго искал что-то в своих записях и, потребовав тишины, обратился к спорящим обитателям чума:

— Вот я поведаю вам об одном зле, о котором многие успели забыть. Но прежде договоримся. Я прочту, а вы скажете, о чем идет речь. — И он начал: — "Мы забы-

ли бы обходил его стороной. Боялся, что и мы окажемся в проруби.

Выяснилось, что на этом участке лед оказался слишком тонким. Первый же большой снег, выпавший ранней осенью, так и не растаял. Потом снегу навалило с лихвой и этокое многослойное одеяло-покрывало не позволило как следует заморозить поверхность реки.

Вытащили Никиту из проруби длинным чаутом. Переодеваться пришлось на открытом воздухе. Помогали ему всей командой. Долго возились, пока сняли с него обледеневшие коагли, брюки и так далее и заменили все "запасными частями". Немало чистого спирта ушло на растирание огромного Никиты, и не только на растирание.

— Повезло, — сказал Коянто позже, — если бы на этом участке впереди шел не Никита а, скажем, я, то я бы просто захлебнулся. Впервые по-настоящему понял, какое это бесценное преимущество — высокий рост.

КАЖЕТСЯ, огоньки увидели все сразу. Однако подумали — померещилось. Закрывали глаза, вновь широко открывали — нет, огоньки. Мерцают и двигаются. Все больше и больше. Поворачиваешься на сто восемьдесят градусов — то же самое.

Мы стояли и молчали. Никита тихо произнес мое имя. Я так же тихо спросил: — Ты тоже видишь?

Подосел Гена Лысиков, руководитель киногоруппы, которая три недели назад прилетела к нам на маршрут на вертолете.

— Что будем делать?

— Карабины наши как палки. В них смазка замерзла, — заметил Никита.

— Помнишь, старик в Седанке говорил про волков, — вспомнил я. — Они окружают человека со всех сторон и по команде вожака все вместе набрасываются на жертву.

— Вдохновляющий рассказ, — попробовал пошутить Гена.

— Постой, постой, — обрадовался Никита. — У нас есть ракетница. Это уже не карабин, ее отогреть можно, — и Никита помчался к своим нартам.

Кольцо огоньков медленно сжималось. Проснулись собаки. Вылезли из своих ямок. Скулили тихо и трусливо.

— Ракетница начисто замерзла, не могу согнуть, — пожаловался Никита, снял перчатки, бросил их на снег и голыми руками принялся растирать ракетницу.

— Ты с ума сошел, без рук останешься! — закричал я.

— Лучше без рук, чем без головы.

Не поддавалась наша спасительница. Решили согреть ее на теле. По очереди приподнимали полы камлейки, кухлянки, свитера, рубашки и грели ракетницу на животе, на груди.

Наконец послышался спасительный щелчок. В ту же секунду Никита, вложив ракету в ствол, прыгнул на нарты.

Выстрел. Вспыхнуло маленькое солнце, которое тут же погасло, чтобы вновь родиться высоко в морозном молочном небе.

Волки стремительно повернули назад, наталкиваясь в панике друг на друга. Огни вспыхивали один за другим. Зеленый, красный, желтый. Это был воистину победный салют. Наши испуганно скулющие лайки, едва прозвучал первый выстрел, бросились в свои глубокие постели.

ВОСТОК сначала окрасился белым светом, потом розовым. Это самое холодное время суток, когда солнце начинает пробуждаться. Если даже ночь была тишейшей, к моменту рождения солнца идет по земле хиус — поэмка, несущая легкую снежную пыль.

Оставив моего каюра одного, я перешел к Никите, прихватив с собой походную аптечку. Усевшись на его нарты, я начал медленно растирать мазью Никитины руки. Казалось, на кисти натянули белые перчатки. Пальцы припухли.

— Ампутировать не придется? — спросил он с какой-то легкостью.

— Нет. Но семь шкур слезет.

— Да пусть хоть десять.

Я перевязал разогретой мазью обе его кисти, и теперь ему приходилось на перевалах не тянуть за стоячий баран — дугообразную стойку, а толкать нарты плечом.

Последний репортаж для "Камчатского комсомольца" Никита писал перевязанной рукой. Приведу из него небольшой отрывок: "Вот она, Пенжинская тундра, во всем своем величии и красе. Тундра не только величественна и красива. Тундра коварна и жестока. Она не прощает легкомыслия и фанфаронства. Но тех, кто относится к ней уважительно, она не трогает."

Теперь я понял, что значит замерзнуть. Это когда ни волей, ни желанием, ни хитростью не можешь пошевелить пальцами. Думаешь: "Да ведь это же так просто! Возьми и пошевели. Но руки словно чужие. Видимо, люди замерзают насмерть не столько от холода, сколько от ужаса, с которым не могут бороться. Испытываешь смятение, суетность и бессилие..."

УМЕНИЯ впечатление, что наша бывшая страна сегодня напоминает морозную Пенжинскую тундру, где "люди замерзают насмерть не столько от холода, сколько от ужаса". И нет другого выхода, как бороться с самим ужасом.

Недавно по Центральному телевидению показывали пресс-конференцию, на которой Никита Михалков сделал заявление о своем отказе стать депутатом Государственной Думы. На один из вопросов он ответил вопросом: "Когда и где я говорил, что рвусь к власти?" На некоторых лицах появились многочисленные ухмылки. Через день-другой я слушал передачу по радио, в которой говорилось о лукавстве Михалкова, мол, испокон веку люди говорят: "Не имей золотого, но имей власть над тем, кто имеет золото". Наверное, иным невдомек, что на свете много порядочных и принципиальных людей, которые по-настоящему любят и ценят лишь свою профессиональную работу. А властные структуры их и не привлекают вовсе. Никита Михалков по натуре своей, по всем принципам своим не должен работать в парламенте. У него другая судьба. Там, в тундре, каждый день в жутких условиях, улучив минутку, он читал письма Достоевского и, находясь под их впечатлением, писал в пути письма Федора Андреевича. Часто приводил слова Федора Михайловича о том, что суд большинства не совпадает с судом будущих поколений.

ЕРЕВАН

Юный Михалков в корьякском чуме

ли надеть черные очки и поэтому не увидели вспышки. Затем с интервалом в пятнадцать секунд раздались два отдельных шлепка..."

Никита поднял голову. Набросил на себя оленью кухлянку (шубу). Чум молчал.

— Это запись вулканологов, — нарушил молчание я.

Никита отрицательно покачал головой.

— Это кто-то кому-то в вагоне во время прохождения поезда через тоннель дал две оплеухи с интервалом в пятнадцать секунд, — весело предположил Женя Миловский.

Все засмеялись. Не смеялся один Никита. Он вновь покачал головой и тихо сказал:

— Это запись, сделанная пилотом Робертом Льюисом сразу после того, как была сброшена атомная бомба на Хиросиму.

НА ОДНОМ из крутых спусков каюр Никитиной упряжки, низкорослый и круглый, как колобок, Сергей Еттыкович Телькунин, чуть замешкался, и тотчас груженная нарта перевернулась. Собаки смеялись в кучу, давая друг друга; все кубарем покатились вниз. Никиту отбросило в одну сторону, каюра — в другую. К счастью, собаки не пострадали. Отделался легким испугом и Никита. А вот Сергей здорово растянул поясницу. Он корчился от боли, но не кричал. Я с тревогой подумал о его позвоночнике. Благо, мы быстро добрались до оленеводческого чума, где бригадиром был внук шамана Василий Кавыртгыин (кстати, он охотно называл шаманом и себя). Я внимательно осмотрел каюра. С позвоночником, слава богу, у него все было в порядке. Нам следовало торопиться. Оставили шаману баночку с мазью для растирания. И он обещал, что быстро поставит больного на ноги, а потом на собственной оленьей упряжке доставит его на маршрут. При этом добавил: "Однако тяжело вам будет без каюра".

Мы и сами думали об этом. На четыре упряжки остались три профессиональных каюра. Был предложен вариант: меняться в дороге. Это значит, каюры станут попеременно переходить к Никите. Но оказалось, такой вариант годился бы, если бы у нас были олени или лошади. А тут джигна своенравных лаек! Нужно, чтобы они привыкли к новому каюру. Иначе — слушаться не будут. Логика подсказывала: каюрить будет тот, кто уже хорошо знает осиротевшую упряжку, — Никита.

Во время очередного привала посреди кочковатой тундры вдруг раздался хохот. Смеялся Володя Коянто. Новоиспеченный каюр старательно натирал полозья нарты кусочком оленьей шкуры, смоченной подогретой на костре водой. Так делают в сильный мороз, чтобы полозья покрылись слоем льда и легко скользили по жесткому насту. Высоченный угловатый Михалков совершал на редкость неловкие движения. К тому же накануне он отморозил нос и теперь смешно выглядел на белый свет через узкую щель капюшона камлейки.

БОЛЬШУЮ часть пути в Пенжинской тундре шли по замерзшей реке Парень. Труднее всего приходилось первой нарте: собаки с трудом пробивались по снежной целине. Пришлось устанавливать очередность. Через каждые сто-двадцать метров меняли лидера. Реже всего пускали вперед Михалкова. Но все же и ему приходилось открывать каравану дорогу. Помню, как Никита шел первым, я — за ним. Толкая нарты, он вдруг куда-то провалился. Нарта его дернулась, собаки потащили ее, а каюр остался на месте, вколотенный по пояс в сугроб. Видя, что моя упряжка приближается к нему, он истошно закричал, замахал руками, что-